

Центральная городская библиотека г. Пущино
Отдел библиотечного краеведения

*К 65-летию
битвы под Москвой*

Дневник 41-го года

Страницы дневника
старшего лейтенанта
Вячеслава Еськина

Из фонда неопубликованных документов
Отдела библиотечного краеведения

Пущино
2006

ББК К63.372.211-5
Д54

Краеведческая программа
«ПУЩИНОГОРЬЕ»

**Сердцем к подвигу
прикоснись!**

© Еремеева В.С., составление.

© Центральная городская библиотека г. Пущино, 2006.

Отдел библиотечного краеведения Центральной городской библиотеки г.Пушино представляет уникальный документ – подлинные страницы дневника участника боев под Москвой старшего лейтенанта Вячеслава Еськина.

Вот этот дневник. Девятнадцать листочков, написанных торопливым убористым почерком, а еще открытка из 44-го (из Белоруссии, письмо с фронта и ... похоронка. Фотография: мужественное, волевое, очень серьезное и очень надежное, как кажется, лицо мужчины ... девятнадцати лет. Эти фронтовые реликвии бережно сохранялись у родных автора. Сегодня автору было бы 80 лет. Было бы ... но его не стало 29 марта 45 года. А дневник остался, как эстафета нам, ныне живущим: как наказ - помнить и не забывать, как это было, - дневник гвардии лейтенанта Вячеслава Еськина.

До войны он окончил педагогическое училище и был даже (такой молодой!) директором двух школ. Он был талантлив, писал картины, играл на гитаре, пел. От него впервые услышал его племянник (и запомнил первую строчку песни “Бьтсся в тесной печурке огонь ...”), но это уже в конце 44-го, а до войны его, наверное, очень любили дети. Он учил их, знакомил с чудесным радостным миром, водил в светлую березовую рощу ...

Во время войны он был разведчиком, затем десантником. Он освобождал Европу. И до 44-го года он возил с собой эти странички дневника, - дневника 41-го, - летописи самого страшного, самого памятного времени, события, решившего судьбу войны - битвы под Москвой. А погиб он в 45-м, когда до Победы оставалось всего 42 дня. В город Саратов маме его Марии Григорьевне пришла похоронка из далекого венгерского городка. Но родственники так и не смогли найти его могилу. Но ведь где-то она есть и может быть написано на ней “Неизвестный солдат”. А он - известный: вечно молодой, двадцатитрехлетний замполит Вячеслав Еськин.

*Год сорок первый, год сорок первый -
Сбиты границы, натянуты нервы,
Мало патронов, и поле дымитсся,
Год обороны любимой столицы!*

Вячеслав Еськин, 1941 г.

Подлинные страницы,
пунктуация сохранена, курсивом даны пояснения

*Дневник был привезен к родителям в 1943 г.
во время краткого отпуска, которым был награжден
л-т В. Еськина за спасение командира*

Боевое крещение

Стучат колеса. Поезд мчит нас – восемь замполитов, выпускников КМП (*курсы младших политруков*), комсомольский актив к фронту. Позади остались тяжелые дни учебы, Харьков, где впервые курсант Еськин услышал свист бомб и ознакомится с чувством радости при виде «Мессера», пикирующего в предсмертной агонии на нашу русскую землю прошитый нашими «максимами» и зенитками...

И вот замполит стоит уже перед строем бойцов, готовящихся защищать родную землю от фашистов, и читает им последний приказ командования... «По машинам!» Слова команды, гулко разнесшейся по Змиевскому лагерю, обрывает его речь. Опустел лагерь...

Впереди ждет нас неизвестное. «Что-то придется испытать нам там, на поле брани, чем встретит нас фашист», - эта назойливая мысль давит на сознание. Но не забывай, Славка, что ты замполит..., и вот уже сквозь гул машин раздается смех бойцов, от души смеющихся над самонадеянным Гитлером, Геббельсом, Герингом и прочими «Г»...

Вот и Полтава. Зарево пожара освещает нашим машинам путь. Кругом - брошенные орудия, снаряжение; вот у дороги разбитая машина и около нее на траве убитый офицер - все это уже напоминает о смерти. Город – пустой, брошенный жителями город – Полтава.

Ты ли это, мирный украинский город – родина гоголевских Наталок, Оксан и Вакул. Нет! Это – город нищий. Он сирота.

Миновали парк и машины остановились в поле.

Вот это поле, овеянное славой полтавской битвы, славой Петра, громившего шведов. В речи комиссара бригады слышалось дрожание: «На этом поле нам честь выпала показать себя. Так не посраим же земли русской, да ляжем костями...». И легли...

Утро. Рота уже вкопалась в землю. Вдали в километре от нас д. Мачехино, а там немцы. Сердце бьется тревожно: что-то сейчас произойдет. Думать о смерти не хочется. Ведь мне еще надо жить, я еще только 18 лет прожил. Я буду жить.

«Слушай боевой приказ, рота автоматчиков. Приказано наступать на противника, обороняющего Мачехино, атаковать его точки на северо-западной окраине села и занять оборону... Атака с 11.00, - лейтенант Большаков закашлялся,- ну, а что касается артподготовки, так ее не будет..., а танки еще в Харькове, тоже ясно... Ну, автоматчики, вперед! Еськин с Чертовним с 1-м взводом, я – с 3-м, комиссар...со вторым...».

И началось. Уже не пережить того вторично. Гул разрывов смешался с криканьем и зловещим свистом мин. Трассы пуль пронизывают весь воздух. Вокруг все черно от воронок. Вот впереди упал один, вот второй как-то, будто нечаянно споткнулся и склонился набок, откинув безжизненную голову назад. Но чувство долга, чувство ответственности за себя, за то, что ты - замполит, толкает тебя туда, откуда несется этот смертоносный металл. А как бы хотелось прилечь сейчас вот в этой воронке, закрыть глаза и уши и не видеть этого ада, крошечного ада.

Внезапно острым ножом ударила мысль – ведь впереди лощина, так почему же бойцы бегут вправо, в кустарник, ведь там нет укрытия, там смерть. И вот сам, удивляясь своей смелости, я уже лечу к лощине. «Вперед, за мной!». Как не было усталости, и не болят больше ноги, через которые переехала машина вчера вечером, когда на марше она сшибла меня в грязь. Нет боли. Есть мысль о том, что надо добраться до этой небольшой лощины. Группа бойцов кинулась в мою сторону. Где-то сбоку четко и мерно застучала наша единственная машинка - любимый «Максим». Но что с ним? Он замолчал. Бросаюсь к нему. Раненый в руку пулеметчик, стиснув зубы, пытается из последних сил достать рукоятку, он бьет малой лопаткой, кулаком, наконец, обессилев, упал на бок и застонал. Починить «Максим» - дело одной минуты для меня, лучшего станкиста училища. Рука уже на гашетке и вот уже снова стучит машинка. Бью по улице, где перебегают уже немцы, видимо готовясь к контратаке. Передаю «Максим» второму номеру, только что подбежавшему с запасом лент и, перевязав раненого наводчика, бегу к Большакову предупредить его о готовящейся немцами атаке. Но атака уже началась. Смешались цепи. Вот уже раздаются по полю то здесь, то там русское «ура» и фрицевское «ля-ля». Вот уже впереди мокрые потные звериные морды. Бью с автомата. Очередь...и замолчал мой «папаша» - магазин разбило пулей, разорван рукав. Кидаюсь к ручному пулемету, валяющемуся невдалеке. Возле - никого. Но, не выпустив и трех очередей, чувствую удар в спину и злобный шепот: «Не стреляй, брось, а то опять мины...».

Невольно хватаюсь за живот и хохочу. Это наводчик, засеченный минометом, боится стрелять. Перебегаем на новую позицию и вот уже залегли немцы на бугре, встреченные ливнем свинца из этого страшного пулемета.

Атака продолжается. Вот слева Чертовний, мой однокашник, такой же, как я комсомолец, выпускник КМП, уже кричит: «Ура!» Так чем же хуже я..., и выхватив из мертвых рук бойца винтовку, со страшным криком бросаюсь к нему (*Чертовному*). Вот один немец упал на колено, пробитый штыком моего друга, но тотчас же падает навзничь, пронзенный насквозь моим ударом. Не успев еще очнуться от совершенного, и едва успев подняться на ноги и выдернуть штык, вижу, как свалился рядом Колобов, наш весельчак, обрызгав меня кровью. Штык рослого рыжего немца разнес ему череп. Но немец уже как будто переломился надвое и грохнулся оземь от страшного удара русского трехгранного штыка, пробившего ему спину. Вот уже дрогнули немцы и бросились к центральной улице, сопровождаемые криками «ура» и беспорядочной стрельбой.

Впереди командир 1-го взвода машет гранатой, но падает, скошенный пулеметной очередью. У колодца еще продолжается схватка, но только один немец остался живой и, обезумев от страха, с выпученными глазами бежит прямо к нам. Но вот он очнулся и, не успев повернуть обратно, как-то жалобно поднял руки..., но штык мой уже бессознательно вошел ему в бок, и я упал на колено, но быстро вскочил. Только добежав до колодца, я остановился и пришел в себя. Все произошедшее перемешалось в голове, в ушах стоит страшный звон, словно кто-то молотком бьет по наковальне. Во рту сухо. Ох, как бы рад был я сейчас хоть капле воды, хоть смочить губы, потрескавшиеся до крови. Рядом рвется мина, другая, вот уже засвистели пули над головой и дрогнули наши цепи. Уже отходят они в ложину, встреченные ураганным огнем пулеметов, автоматов и минометов. Словно вся земля обрушилась на нас. В воздухе с пронзительным визгом вьются мириады

пуль; кажется, что отталкиваются они друг от друга, издавая сухой треск.

Нет возможности поднять голову. Она не слушается, не подчиняется больше тебе. Крик: «Отходи в окопы» разносится по улице, приводит меня в сознание. И вот мы бежим назад в ложину, изредка оглядываясь, чтоб через плечо дать выстрел в сторону Мачехино. В шагах десяти от меня бежит какая-то страшная фигура: это миной срезало голову бойцу, но он еще бежит, ноги его еще несут к краю ложины. Ах, как бы ослепнуть, чтоб не видеть этого ужаса...

Вот мы и в окопах. Слышится знакомый голос командира 1-го взвода: «Приготовить гранаты и оружие. Немцы идут».

«Но ведь лейтенант ранен, ведь это его я тащил сейчас к окопам, – мелькает в сознании, – но он жив, он единственный оставшийся в живых командир!».

Мысли мои обрываются визгом мины. Машинально голова прячется в плечи, и тело прижимается к сырой стене окопа. О, как прохладна ты, земля, русская земля...

Разрыв, другой..., в окоп сыпется земля и сваливается с бруствера граната. Разрыв где-то рядом. Неужели я еще жив? Невольно глаза глядят на небо, синее сентябрьское небо Украины... Хочется мечтать о хорошем, о доме, о товарищах, о далекой любимой Люсе... Где-то она? Разве знает она, что ее товарищ переживает сейчас? Мысли перепутались. Лицо горит, сердце стучит каким-то ужасным бешеным темпом.

Ракета, другая, третья. А вот и снова этот вой мин, свист путь и... «ля-ля». Только сейчас я вижу, что в руке моей автомат. Как он попал ко мне? Но рассуждать некогда. Высовываю голову из окопа. Вот они цепи, близко. Нет, это не то, что на экране в «Чапаеве», «Мы из Кронштадта», это - совсем рядом, близко, в сотне метров.

Зажмурясь, нажимаю на крючок. Я еще в состоянии думать, целиться, стрелять. Грохот автомата окончательно приводит меня к памяти. Я уже спокойно ловлю на мушку группы рыжих здоровых детей с черными крестами на рукавах. Но что-то не слышно близко своих выстрелов, неужели я остался один. Смотрю вправо, влево. Нет, вот они, мои боевые товарищи. Они также переживают то же самое, ведь они тоже первый раз в бою...

Но сосед справа уже нет, нет и его окопа. Вместо него – воронка. Как его звали? Кто он? Сквозь грохот выстрелов доносится в мой окоп знакомый голос командира. Он приказывает отходить.

Вскакиваю из окопа, оглядываюсь. Километрах в двух - Полтава. Там штаб нашей 10-й танковой бригады. Значит, отходить туда. Спотыкаясь на каждом шагу и изредка отстреливаясь, бредем по полю. Вдруг слева очередь, другая. «Вот черти, - невольно выругался я, - ведь это автоматчики просочились в подсолнухи». Выпустив по очереди, снова бежим. Нас уже немного. Вот еще один схватился за ногу, раненный картечью, вот еще товарищ держится за щеку. Впереди бегущий боец с санитарной сумкой на боку что-то странно подпрыгнул и внезапно ринулся бежать. Он бросил сумку, и снова бежит, расстегивая на ходу шинель. Вот он сбросил шинель и, внезапно сев на землю, старается сбросить сапоги, но затем, видно одумавшись, вскинул за спину карабин и медленно побрел в сторону горящей Полтавы.

Уже смеркается. Лишь редкие разрывы картечи и шелестящий свист снарядов напоминают о бое. День кончается, этот незабываемый день крещения боевого Славки-замполита, день 17 сентября 41-года.

Юго-Западный фронт, 1941 г., 20 сентября.

Горячие встречи

Вот мы снова у себя. Два дня пробирались мы сквозь вражеское кольцо, не раз сталкивались мы с дикими мордами пьяных фрицев, хозяйничающих в Полтаве. Уже потеряв надежду на встречу со своими, мы блуждали день и ночь по вражескому берегу, питаясь только овощами и фруктами полтавских садов. Нас осталось только трое, остальные разбрелись в разные стороны. К вечеру натолкнулись на домик лесника. Со слезами на глазах встретили нас хозяева – угрюмый дряхлый старик, его жена и внучка. Вмиг сняли с нас одежду, обогрели, накормили, дали на дорогу табаку, спичек, хлеба, лепешек и много другого. Старик показал нам плотину через реку.

Дождавшись темноты, мы тихо двинулись к реке. Но счастье ускользнуло от нас. Набухшая от осенних дождей река вздулась, вышла из берегов. На месте плотины бурлила грозная темная вода. Тщетно пытались мы перебраться вплавь. Остался единственный путь к спасению – пробиваться с боем через охраняемый немцами мост в центре Полтавы. Выхода нет. Идем. Сержант Иванов, высланный в разведку, вернувшись, доложил, что на мосту лишь один часовой. По улицам бродят пьяные «победители». Звенит балалайка, и чей-то пьяный бас тянет какую-то дикую мелодию. Треск трех автоматов оборвал песню. Часового нет, он в воде. Бросок – мы на своем берегу.

Еще день прошел. Не забыть никогда слез и рыданий женщин, бросающихся к нам, обнимающих и прижимающих нас к груди как своих сыновей, делящихся с нами последним куском. Километрах в восьми от Полтавы мы натолкнулись на отряд зенитчиков. Рослый детина – старшина - молча выслушал нас, но указать нам местоположение части не мог. Окружившие нас бойцы и командиры с удивлением рассматривали наши

изможденные окровавленные лица, наше новое оружие. Стоящий неподалеку смуглый лейтенант в кубанке и накинутой плащ-палатке отобрал у нас оружие, но вмешавшийся в это комиссар, проверив у нас документы, отпустил нас, указав дорогу на ближайшее село. Недовольный лейтенант проворчал: «Много вас здесь шляется, известно – всех перебили, одни вы остались» - и смолк. Видимо мы уже не одни. Надежда окрылила нас.

Ночевали мы в стоге соломы. Утром у проезжавшего мимо шофера узнали, что часть наша стоит в лесу в трех километрах. Он оказался тоже из нашей части. Заработал мотор, и через несколько минут мы оказались у своих.

Нет слов, чтоб описать радость встречи. Еще не верится, что мы у своих, хотя уже час сидим у костра, обогретые, сытые, и веселый Чертовний рассказывает нам свои приключения.

Командир роты Большаков у небольшого куста рассказывает о том, как ослепленный взрывом гранаты комиссар вел роту в атаку, но сраженный очередью автомата с криком «За Родину, за Сталина» упал на обогренную его кровью землю. Много товарищей не досчитались мы. Нет веселого Колобова, нет командира 1-го взвода, которого я вытащил с поля боя.

В страшной тишине слушали мы перекличку. И лишь немногие ушли в госпиталь, остальные легли на полтавском поле. «Погиб на поле сражения», «убит» - раздаются голоса товарищей в ответ на вызов того или иного бойца. И черный крестик ложится на бумагу против фамилии героя. Такой же крестик стоял и на наших строках. Не верится, что ты уже не крестик, а живой человек, стоишь в строю и готов к новым испытаниям на поле брани.

Ночь миновала. Кончились сборы, в сумках у нас снова патроны, гранаты. Уже повара закончили раздачу законных «сто граммов». И снова мы под Полтавой.

Снова бои, атаки, отход и снова атаки. Немец еще в Полтаве, но его арьергардные части уже выбрались на шоссе к Харькову. Каждую ночь к нам приплывают с того берега худые, оборванные бойцы нашей и других частей, пережившие тяжести вражеского окружения. Они передают, что немцы готовятся к наступлению.

Всю ночь роем окопы на шоссе. Я командую обороняющимися на левом шоссе. Большаков – правой группой. Чертовний – за комиссара. Вот уже появились вражеские цепи. Уже близко. Сухо затрещали винтовочные выстрелы – бой начался. Укрывшись за огромным валуном, положив возле 4 магазина от ППШ, я осмотрел свою оборону. По идущим во весь рост фрицам спокойно бьют мои бойцы. Нет страха на их лицах. Но вот засвистели опять над головой мины... разрыв, другой. Но уже не прячется голова в плечи. Уже различаешь по свисту мины место разрыва. Гляжу влево. Вот боец Куликов в азарте вскочив на ноги, бьет в упор по наступающим. Как крылья развеваются на ветру полы его плащ-палатки. Но уже по окопам разносятся слова, которые я боялся больше всего: «патроны на исходе», «патронов нет».

«Приготовиться к контратаке!.. Гранаты...», - кричу по цепи, - У кого есть штыки, показать из окопов!» Штыков оказалось только 6. На 50 человек - 6. Не верится, но вскоре убеждаюсь в этом. Ведь у многих автоматы.

Вот уже несколько слабодушных поползли назад в ложину, некоторые из них уже ранены, но тщетно пытаются ползти.

Вернулись подносчики - базы боепитания на месте нет. Что делать? Вот и запыленный Чертовний. Но его усилия тоже тщетны. Не удержать нам оборону! Нечем! Опустошаем и мы последние магазины по приближающейся немецкой цепи. Хорошо еще немцы не

ведут прицельного огня, боясь поразить своих, прорвавшихся в некоторых местах в нашу оборону.

«Броском, только броском в ложину», - точно сговорившись, решаем и я и Чертовний, - Иначе всех перебьют точно котят». И вот под прикрытием группы, которую мы сколотили вокруг себя, бойцы вихрем бросаются через бугор в подсолнухи. Падают от наших последних пуль преследуемые их немцы. Вот уже из подсолнухов затрещали выстрелы – отходить нам. Но что это такое? Глазам не верится: летят щепы от ящиков с патронами, бойцы уже набивают карманы патронами... Откуда эта неожиданная подмога?

Оказывается, одна группа подносчиков все же разыскала машину и вовремя подбросили нам эти маленькие, но дорогие патроны.

Но немцы уже близко, а магазин заполнить нелегко, дрожат от волнения руки. Ведь пули свистят над головой, то и дело раздается противное кряканье мин.

Неожиданно сзади нас раздается зловеющий рокот, звяканье и скрежетание металла. Ужасная мысль точно обрывает сердце – неужели сзади танки. Уже по цепи наших бойцов прокатилась волна – смерть..., нас окружили.

Но что это за слезы радости мгновенно появляются на глазах, что это за дикий крик вырывается из полусотни охрипших глоток... Да ведь это наши КВ и Т-34. «Ура, за Родину, за Сталина», - прокатилось над головами. И нет усталости, нет, ноги несут тебя уже туда, где корчатся германы в предсмертных муках, встреченные смертоносным ливнем наших танков. Мощное «ура» стелется по полю. Бегут фрицы, бегут. Бросают в панике всё. Нет радостней упоения победой. Как на крыльях летят бойцы вперед и вперед. Это уже не те бойцы. Нет среди них уже малодушных. У всех лишь одна мысль - «Бей, гони, коли».

Только у реки мы остановились. 6 километров позади. Только сейчас замечаю, что держу в руке пустой автомат.

Густая темнота покрыла землю. Ни звука. Лишь изредка доносится крик ночной птицы, да иногда вскрикнет кто-нибудь во сне, видимо вспомнив что-то страшное. Все спят. Но не спит комбриг, не спит Чертовний, Большаков. Спать нельзя. Немцы еще не очухались от удара, ночью они не воюют, но кто знает...

«Еськину с Вертюлиным и группой бойцов выяснить, где остановились немцы. Что делают или собираются делать. Возвратиться к рассвету,- капитан замолчал, - Все!».

Не прошло и пятнадцати минут, как мы уже очутились в логове немцев. Они заняли окраину деревни Н. и вероятно мирно спали после полученного удара. Лишь крики патрулей и часовых выдавали их лагерь. У крайнего дома что-то шевелилось. Я с Вертюлиным пробрался к краю лощины, отделяющей нас от деревни. Из-за куста мы рассмотрели, что действительно у того дома группа солдат, вероятно патрули у освещенного окна беспечно рассказывали что-то, по-видимому, веселое, так как рассказчик неоднократно прерывался громким взрывом хохота.

Вернувшиеся с противоположной окраины бойцы доложили, что там тоже лишь патрулирующие улицы, да в одном месте заметили скопление машин и пушек. Собравшись обратно, мы решили обстрелять эту веселую группу, уж очень досадно нам за их веселье. Но лишь только мы расположились к открытию огня, ко мне подбежал боец и шепотом сообщил, что к оврагу справа кто-то движется. «Недурно,- подумал я,- «Язык» не мешает». Оставив Вертюлина с тремя бойцами, впятером мы поползли к тому месту. С трудом разглядели мы приближающуюся фигуру фрица, спешившего к оврагу.

Вот он остановился, и при свете луны мы рассмотрели его коренастую фигуру, покрытую какой-то пестрой плащ-палаткой.

Немец торопливо сдергивал штаны. Улыбка передернула губы моего соседа: «Поможем ему, ведь взять нельзя бесшумно – кусты, - прошептал он, - только не насмерть бы...» Ну что ж, поможем. И треск пяти автоматчиков разорвал тишину ночи. Справа ударили по деревне товарищи. Как подстреленный кабан, ринулся из лощины фриц, огласив деревню страшным ревом, но, запутавшись в штанах, грохнулся на землю. Вмиг он был скручен и завернутый как в пеленки в плащ-палатку, вскоре уже стоял перед капитаном и дополнял наши сведения. Рассветало.

Юго-Западный фронт. 26 сентября 1941 г.

Вторая встреча

Не спится. Солома назойливо лезет за ворот, в уши, мешает спать. Только что закончился бой. Боровск - наш. Невольно в голову лезут воспоминания о только что проведенном бое. В глазах стоит церковь, а на ней пулемет врага, перерезавший огнем дорогу на главную улицу.

Не забыть этого тихого скромного паренька с голубыми глазами, который просился разрешить ему «сделать каюк» фрицу. И он сделал. Как на экране вижу сейчас его небольшую фигуру, скачками перебегавшую огород и последующий взрыв гранаты на колокольне. Он погиб, этот маленький незаметный герой...

Сон уже смыкает глаза. И как сквозь сон вспоминаю я мое первое боевое крещение, мою первую атаку, когда также маленький щупленький Славик шел со штыком наперевес на врага. Как после приходилось выбираться из

занятой немцами Полтавы. Первую разведку и фрица со спущенными штанами, которому мы всадили очередь в зад и привели в штаб.

Не забыть и горечь поражения, когда со слезами на глазах оглядывались мы на горящую Полтаву и пятились к Харькову. А затем «рама», разведывающая штаб наш, бомбежка, контузия, госпиталь в Артемовске, откуда я сбежал через 8 дней в резерв ПУРККа... И вот снова фронт.

Еще не раз после контузии шла горлом кровь, еще стоит в ушах надоедливый свист... Но все это уже прошло. То было, а сейчас...

Позади нас Москва. Столица. Сердце Родины. И Москва не должна стать немецкой. Так, кажется, говорил Мехлис, провожая нас на фронт, то же помню и в словах Тимошенко, у которого на дачах под Мало-Ярославцем пили чай с сухарями.

Надо спать. Спать, чтобы завтра снова ринуться со свежими силами на врага, бить его, истреблять его технику, на которой он рассчитывает ворваться в «Москау».

Резкий крик вывел меня из сонного состояния. Тревога. Схватив карабин, бегу по улице к площади, куда стекаются со всех сторон бойцы. Вот и полковник. Он что-то горячо обсуждает с группой командиров. Команда: «Становись». И вот мы уже бредем по дороге на К-во. Идти трудно. Под ногами грязь, смешанная со снегом. Снаряжение давит плечи. Но идти надо скорее, пока не сомкнулось за нами кольцо окружения. Сквозь сетку дождя вижу согнутую фигуру полковника и его ординарца Кольку. У обоих в руках пистолет и компаса.

Выходим из леса. Позади остались трясина, болота, слякоть. Уже светает. Неприветливое октябрьское солнце скупится обогреть нас, промокших до нитки. Впереди Н. Михайловск. Здесь займем мы оборону, здесь отдохнем,

даже возможно достанем что-нибудь и пожевать. Вот уже около недели нет во рту ни крошки. Не мешало бы и покурить. Но это уже роскошь. Ах, скорее бы добраться до своей базы. Ведь там все. Но где она?

Но в Н. Михайловске отдохнуть не удалось. Вот они – немцы. Вот справа уже началась перестрелка. То отбивается от наседавшего врага, вчетверо превосходящего и числом и оружием 1 батальон. Вот он уже медленно отходит через мост к нам. Несут раненых. Стоны. Сдавленные крики слабых и скрип зубов очерстневших от боли бойцов.

Бьют наши «максимы». Сухо трещат винтовочные выстрелы, словно по лесу ломится какое-то чудовище, проламывая дорогу через чащу. Свищут противные мину, свистят осколки. Снова отходим в лес. Впереди снова десятки километров по непроходимым болотам, грязи. Снова ночь в лесу. Дождь. Шинель уже не греет. Земля, пресыщенная дождевой и ставшая от снега водой, не принимает уставшее тело. Как бы хотелось разжечь костер - нельзя. И натягиваешь на голову шинель, стараешься побольше надышать теплого воздуха. Чуть задремал, но тут же вскакиваешь и на бегу пытаешься согреть окованные от мокрых гнилых портянок ноги...

Скоро рассвет. Снова идем. Лапшинка. Здесь мы остановились на привал. Пройдоха начпрод уже раздобыл где - то пшеницы и картофеля. Значит, немного перекусим. В бане уже затопили печи, в котлах кипит вода. В ожидании «обеда» молча сидим в сырых окопах. Как неприятно стучит дождь по каске. Думать ни о чем не хочется кроме предстоящей «пирушки».

Голос командира роты. Вызывает меня. Надо идти в разведку. Прощай, обед!

Бредем по лесу. Ноги отказываются идти, но у нас ответственная задача. Подбадривая себя предстоящим по возвращении обедом, идем. Впереди деревня. На дороге

брошенные оружия. «Даже замки не сняты», - с досадой приходит мысль. Вынимаю гребенку и швыряю в кусты замки. Ведь все равно снарядов нет. Нам они не пригодятся.

Молча рассматриваем деревню. Вправо – разбитые взрывом бензобаки, разрушенные постройки гаража. Обходим деревню справа. Слышен гул танков. Вот они. Три бронированных чудовища ползут по дороге на Лапшинку. Надо предупредить. В деревне немцев не видно, но разведка... Надо бежать через лес напрямик, скорее предупредить.

Нет устали. Скорее, скорее. Вот уже копна. Командир роты молча слушает доклад. Хмуро его лицо. Но что за шум? То бегут справа бойцы. Бегут, подхлестываемые ливнем пулеметного огня. Бросаюсь наперерез. Нет, не остановить. Уже дрожащими руками достаю портсигар. Там еще осталась драгоценная щепоть табаку, добытая во вчерашней разведке в доме лесника. Жалко. Нет, эта жалость временная. Закуриваю, умышленно ломая спички. Бегущий сбоку сержант торопливо бормочет: «Сорок». Значит, в нем нет страха. Желание курить больше страха. Соглашаюсь. Вместе пытаемся прикурить. Возле нас пробегают бойцы и удивленно смотрят на заядлых курильщиков, но у них вскоре желание «курнуть хоть разок» отталкивает страх. Ложимся и молча курим, передавая из рук в руки драгоценный окурок. Возле нас уже немало. Вот и пулеметчик, положив сбоку пулемет, жалобно просит «курнуть».

«Немцы!» - крикнул кто-то испуганным голосом и поднялся. «Лежать! Огонь! Это разведка! Их мало!» - удивляясь сам своему голосу, вскрикнул я. Встреченные огнем немцы бросились обратно.

Вечером мы были уже в Балобаново. Уже темнело, когда мы получили приказ командира полка: «Здесь, на опушке леса, сделать засаду, задержать немцев и

прикрыть отход полка». Уже полночь. Тишина. Лишь ветер гуляет по макушкам деревьев. Скупое светит луна. Прошусь в разведку. Со мной просится и сержант Кушев. Ему очень хочется вернуться в Лапшинку. У него там небольшие счета с хозяйкой одного дома. Эта хозяйка выгнала его из дома, когда он зашел попросить воды.

Взяв десять человек, подходим к Лапшинке. Вот она уже близко, уже слышны крики пьяных немцев, стоны и этот, скребущий по сердцу детский плач, изредка переходящий на визг. Вот и они, непрошенные хозяева. Вероятно, готовятся к маршу. Но ведь они не воюют ночью. Неужели осмелели? Гудят моторы. Нет. Все-таки незаметно поспешности в их движениях. Успеем еще выполнить просьбу Кушева.

Пробираемся к противоположной окраине. Втроем: я, Кушев и старшина ползем дальше, позади не сводят с нас глаз верные друзья, готовые в любую минуту кинуться на помощь. Стихли шаги патруля. Вот уже стихла вдали его песенка. Интересно. Неужели ему весело. Или для храбрости он поет. А в общем нам это на руку. Бросок - и мы у дома. Окно освещено. У двери стал Одинцов, мы с Кушевым поспешно готовим «фенечки» - любимые гранаты «Ф-1». Из-за угла снова раздается песенка. Значит, часовой охраняет этот дом. Значит, здесь кто-то есть. Кидаемся к окну. Видно только стол, накрытый богатой пищей, да раздается громкий мужской смех.

«Смех! – На! На! На!», - в руках Кушева блеснула бутылка с горючим. Звон, другой. В окно летит граната, вторая. Часовой кинулся к дому, но упал, скошенный пулей из-за кустарника. Дверь разлетается от взрыва гранаты. Все кончено. Надо отходить.

Взбаламученная деревня представляет собой улей пчел. И действительно, пчелы скоро засвистели над головами. Ад крошечный. Треск автоматов, крикание мин, крики, визги, разрывы пуль над головами, осколки

мин звенят как консервные банки. И все это – нам. А мы, мы уже у себя. Уже отдыхаем, подстелив под себя кучу листьев, и с улыбкой вспоминаем потеху.

Уже светало. Как на дороге слышался шум моторов. Машина, а за ней целая колонна. Смело идут. Как по своей - дома. Даже без охранения.

Резкий свист разрезал ночную тишину. Рокот пулеметов, треск гранат смешались со стоном раненых и визгом разбегающихся в лес фрицев. По остановившимся машинам летят гранаты, по обезумевшим от страха фрицам уже молотят приклады. Вскоре смолкли пулеметы. Лишь слышно, как тонут раненые, слышны удары штыков, сопровождаемые кряхтением колющего.

Ночная атака. Страшнее тебя не может быть ничего. Но нет радости больше той, которую испытываешь, когда обезумевшие «победители Европы» падают от твоих ударов и в панике бегут без оглядки, сопровождаемые мощным русским «ура».

Снова в пути. Вот уже более недели перед глазами леса и леса. Густые подмосковные леса. Лишь редкая перестрелка орудий и случайный треск автомата напоминает о фронте. Бойцы устали, обессилели. Сказывается отсутствие питания.

Вечером вблизи одной деревни Н. сделали краткое парт. - комсомольское собрание, решением которого было поднятие духа бойцов, а особенно сбережение оружия. Боеприпасов оставалось мало. Пять ящиков гранат, найденных в лесу, были розданы на руки, но их уже оставалось мало. Собрание единодушно приговорило к расстрелу бойца, бросившего ручной пулемет и гранаты. Ночью перед строем его расстреляли.

К утру мы подошли к селу К. Здесь неутомимый начпрод через председателя колхоза достал телят, картофеля и гороха. Предстоял изрядный обед. Мы с ком.роты Петуховым и политруком Питоминым

остановились в крайнем доме. Бойцы окопались на бугре. Старшина Одинцов получил мяса, гороха и картофеля и организовал в одном из домов кухню для роты. Уже бойцы боевого охранения поели, как неожиданно справа донесли, что в соседнем селе, что в двух километрах, немецкая разведка захватила в плен 3 бойцов, варивших в бане картошку. Не прошло и десяти минут, как тревога подняла весь полк.

Немцы окружили деревню. Отстреливаясь, мы отходим к лесу. Запыхавшийся от быстрого бега старшина тянет меня за рукав: «Замполит, ведь обед уже почти готов. Он в этом вот дому...» Желание есть побороло страх и вот мы уже у дома. Уже по улице носятся бешеные фрицы, поливая дома огнем автоматов. Вот уже один из них бежит к нашему дому и на ходу ведет огонь вдоль улицы, уперев в живот автомат и издавая какие-то нечленораздельные крики. Вскидываю винтовку, и немец уже ткнулся с разбегу в изгородь огорода. Одинцов уже сбросил котел и, набив мешок полусырым мясом и картошкой, спешит к выходу. Бежим к лесу. Под ногами то и дело щелкают разрывные пули, свистят осколки, над головой свистят мины. Попеременно тащим мешок, в двух местах уже пробитый пулями. Впереди поле. Куда бежать? Справа, с колокольни, зловеще твоякает вражеский пулемет, обдавая нас пылью от разрыва пуль. Спотыкаясь о кочки и поминутно падая, бежим по взрыхленному картофельному полю. Спёрло дыхание. Иссакают силы. Но драгоценный груз снова переходит из рук в руки.

Вот и спасительная лощина. Собрав последние силы, бросаемся к ней и через минуту мы уже в объятиях своих бойцов. Снимаю мешок. Окружившие нас бойцы с удивлением рассматривают в пяти местах пробитый «сидор» и с наслаждением вдыхают аромат вареного мяса.

Едва отдохнув и переведя дыхание, набрасываемся на пищу. Но обед наш прерывается...

Уже по полю раздаются дикие крики «ля-ля». Немцы наступают. Бросаюсь к третьему взводу, но пройти к нему нельзя – сотни кружащих пуль и осколков преграждают дорогу. Послышались стоны. Уже немало раненых. Появились и убитые. Дело в том, что у бойцов нет лопат, окопаться не смогли и миномет, бьющий по ложине, приносит большие неприятности. Все мысли мои в 3-м взводе. Ведь они на бугре и тоже не окопались. Тщетно стараемся фланговым огнем помочь им – немцы уже ворвались в расположение их обороны. Оттуда раздаются только редкие выстрелы да приглушенные выкрики. Скоро это смолкло. Удар направлен на нас. Вот рядом со мной наш герой Кушев, как орел, размахивая лапами накинута на плечи плащ-палатки, презирая смерть, встал как могучий дуб и стоит, поливая врага свинцом своей автоматической винтовки. Едва успевают заряжать ему магазины.

Бойцы вошли в раж, то и дело раздается смех и едкие шуточки по адресу «арийцев», вскидывающих ноги, сопящих, рвущихся к этой маленькой горсти наших бойцов, но откатывающихся назад с дикими воплями и криками. В бинокль мне видно, как тщетно засевшие в кустах офицеры кричат, ругаются и размахивают руками.

Атаки, одна за одной, отбиты. Смеркается. Ждем темноты, чтоб снова вступить в чашу леса и отходить к Наро-Фоминску. Неожиданно раздается выстрел. То боец заметил приближающуюся к нам фигуру. Поползшие навстречу бойцы притащили на себе почти бездыханное тело лейтенанта Пахомова, командира 3 взвода. Во что превратился этот молодой красивый лейтенант, только что окончивший Рязанское пехотное училище... Сплошной ком глины и грязи лежал перед нами. Едва придя в сознание. Поведал он нам о гибели взвода – от взвода он остался единственный. Остальные все полегли.

Позже воспоминания с ним подробности этого боя, я удивлялся: до чего же живуч русский человек.

Пахомов вспоминал, как, истекая кровью от многочисленных ран, бросались бойцы на наступающих и вгрызались им в глотки, умирая, не произнеся ни стога, ни крика. И, глядя на медаль «За отвагу», украсившую грудь этого лейтенанта, я не верил, что человек способен пережить такую трагедию.

Ночью бесшумно снялись с обороны и после трехдневного марша по непроходимому лесу вышли к селу Каменскому, где соединились с другими полка и нашей дивизии. **Здесь мы получили первый боевой приказ командующего обороной Москвы Жукова: «Стоять. Назад ни шагу. Позади Москва».** И стали.

Я не стану описывать, с какой радостью и наслаждением встретили мы первые граммы хлеба и «сто грамм». Это может понять только человек, не видевший около двух недель ни крошки хлеба, ни куска сухаря, ни ложки супа, не кутивший около десяти дней, или кутивший листья клевера.

Роем окопы. Первый раз за много дней спим на сухой соломе в скирде на командном пункте. И дождя нет. И пуль нет над головой, нет этого проклятого свиста и крикания мин и звона осколков. Нет. И в голову идут уже приятные мысли о доме, о девушке в далеком Саратове, о первой любви к ней, о том, как писал я влюбленные записки и совал ей в руку при встречах в коридорах педагогического училища. И как переживал учитель Еськин первые дни разлуки с любимой, первые дни армии в г. Лубны на Полтавщине. Помню и радость первых писем, которые хранятся еще до сих пор вместе с карточкой в левом кармане гимнастерки.

Где же любимый оригинал? В последнем письме она писала, что кончает училище. Сдает кровь раненым бойцам. Где сейчас моя Люся? Представляет ли она, что

испытал ее друг. О чем она думает сейчас, что делает. Возможно сидит с подругами в кино, а возможно... Как долго я уже не получаю писем. Скребут по сердцу кошки. Но усталость берет свое. Сон подходит, и тихо и нежно берет в свои объятия усталого воина.

Зап. фронт. 28 октября 41 г. с. Клово

Разведчик

«Вот здесь, - полковник Васенин ткнул пальцем в карту, - находятся Волковы дачи. Что в них – особенно интересует командование, т.к. они у нас в тылу. Пробраться к ним трудно – около 6 километров по лесу, без дорог по болотистой местности. Но пробраться надо во что бы то ни стало. Петухов рекомендовал тебя. Питомин уж пытался, но тщетно. И еще многие вернулись ни с чем. Больше играть нельзя. Вот карта, компас. К утру выступай. С тобой идет Пахомов». Тусклая коптилка осветила его усталое смуглое лицо. «Все, пожелаю счастья». Он встал. Встал и я и, ответив на пожатие руки, вышел в холодную темную ноябрьскую ночь.

Утром я с пятеркой бойцов и Пахомовым были уже в пути. Все расчеты по карте и компасу точны. Но лес, болота. Их не предусмотреть никакими азимутами. Кроме них ни одного ориентира. Весь день прошел в тщетных поисках. Одежда наша превратилась в лохмотья, ноги онемели, ломят плечи от ремня винтовки.

Уже смеркалось, как вышли мы на какую-то тропу. Идем уже около получаса по ней. И вот вдали замелькали постройки. От волнения перехватило дыхание. Мы у цели. Облазив все постройки, а их было 4 дома и 3 сарая, убедившись, что в них никого нет, отдохнули и двинулись обратно. Уже кончилась ночь, когда мы вернулись, правда, не в свою часть, а южнее около 5 километров. Но это ничего. Зато дорога уж известна. Есть ориентиры на

моей карте – ручей, поворот дороги, поляна. Путь изведен.

Первый раз за весь период пребывания на фронте, ночью на печке. Как хороша ты, русская печь...

Скоро праздник – 24-я годовщина Октября. Во всех подразделениях идет горячая подготовка. Окопы и хода сообщения углублены, покрыты настом, соломой, землей. Сделаны козырьки на ячейках от осколков мин, вырыты блиндажи. Уже дымятся печи. Тепло в землянке. Тусклый свет, текущий из печи, освещает смуглые лица бойцов, с увлечением слушающих мою информацию об образовании гвардейских частей, о предстоящем празднике, о бдительности и дисциплинированности. Здесь же при свете печи выпускаем первый боевой листок. Он, правда, не особенно красив, но каждая строка в нем написана от души, каждое слово пропитано священной ненавистью к фашистскому зверю.

Вечером моемся в бане. Не описать этого чувства, которое испытываешь, когда после двухнедельного (даже более) периода, ты обливаешь себя горячей водой, сдираешь с себя пыль, накопленную в результате прохождения сотен километров.

Только что возвратился из окопов. Попал под огонь автоматчика. Пул слегка царапнула руку. Надо быть осторожней.

На КП горячие споры. В ночь собирается разведгруппа в ночной поиск в село Чичково, что на противоположном берегу реки Нара. Упросился и я.

Взвод стрелков, вооруженный с ног до головы различным оружием, тихо идет по опушке леса. Я с Кушевым в головном дозоре. Тихо. Лишь изредка хрустнет ветка, ломанная неосторожным нажатием ноги, да слышно спертое дыхание соседа. Кажется, что слышишь стук своего сердца. Как оно громко стучит.

Впереди темнеет силуэт постройки. Сарай. Подошедший лейтенант К. с удивлением рассматривает неожиданную постройку, не обозначенную на карте. «Ну, что ж, обстреляем», - лаконично отрезал он. «Зачем? - с удивлением спросил я, - Кушев, пойдем. Разведаем. А вы подождите, да посматривайте за нами», - улыбнулся я, - Идем!».

Еще с большими предосторожностями двинулись мы к сараю. Ничего привлекательного он не представлял собой – обычный деревенский сарай с соломенной крышей. Около него в беспорядке разбросаны копны соломы и сена. Я засунул за пояс гранату, взял в руку наган и не спускал глаз с Кушева, который, как кошка, двигался по соломе, изредка щупая ее острым штыком. Осмотрев все вокруг, мы тихо двинулись к двери. Как молот застучало сердце - сквозь тишину донесся до нас тихий храп. « В сарае кто-то спит», - мелькнуло в сознании. Быстро приходит решение – броситься на спящего, всадить кляп в рот и..., а взвод надо предупредить, - назойливо бьется вторая мысль, но Кушев уже тихо пошел в дверь, и я бросаюсь тоже. В ногах какой-то нервный зуд, руки дрожат, дыхание прерывается. Что это? Страх, вероятно. Одновременно бросаемся к спящему. Кушев хватает его за глотку, я щупаю на боку оружие. Сбрасываю перчатку, наган сую за пазуху и дрожащими руками силюсь вынуть лопатку из чехла у рвущегося из железных рук Кушева. Получив неожиданный удар справа, я отскочил в угол, и здесь только увидел, что немец не один, его товарищ, которому я в горячах наступил в пах, нанес мне удар в подбородок. Ослепленный яростью, с каким-то диким визгом, сам не помня себя, кинулся я к фрицу. Сам удивляюсь, откуда взялась сила в моих восемнадцатилетних руках. Я сдавил горло немца, но сам почувствовал, как словно клещи сдавили мне подбородочный ремень каски.

Я задыхаюсь... Собрав последние усилия, сбрасываю каску и наношу рукояткой нагана удар в лицо. Удар ноги отбросил меня в угол. Снова бросаюсь на него, и вот наши тела переплелись, и мы оба катаемся по соломенному полу, издавая какие-то нечеловеческие звуки. Но вот моя рука натывается на рукоять ножа: нож мягко выскальзывает из ножен и, зажмурившись, я с силой ударяю немца в левый бок снизу. Острие ножа уткнулось в твердое шинельное сукно. Сжавшись в комок, налегаю всем телом на рукоятку и чувствую, как нож плавно вошел во что-то мягкое, и по руке моей потекла теплая жидкость. Дикий вопль зарезанного фрица разорвал ночную тишину, и только сейчас я пришел в себя. Только сейчас я обратил внимание на шум борьбы из противоположного угла сарая, где Кушев долбил могучим своим кулаком по физиономии обезумевшего фрица.

«Не добивай, ...живьем...», - прохрипел я и бросился на помощь. Два кулака одновременно обрушились на голову уже оглушенного «языка». Все кончено. Надо скорее уходить, пока разбуженные дикими криками фрицы не поспешили на помощь собратьям. Ухватив за руки и за ноги безжизненное с вида тело фрица, и вывернув все карманы «моего» неудачника, мы бесшумно двинулись к лесу. Вдруг Кушев бросил ноги фрица и отер рукавом лоб: «Ведь мы винтовки-то их не забрали?» Я с гордостью показал мой трофей - «парабеллум». «А у другого была винтовка, - протянул Кушев, - бежим». Побежали в сарай. Кушев долго чиркал сырыми спичками. Наконец спичка загорелась и осветила поле нашей схватки. Под ногами хлопает кровь. В углу валяется труп немца. Рядом валяется моя каска и ручная граната. Подобрал гранату. В углу Кушев загремел чем-то металлическим. «Вот это трофей», - слышу его смеющейся голос, и перед моими глазами предстает ведро, полное вареной свинины.

Возвращаемся к «языку». На плече у Кушева болтается немецкая винтовка, рядом с СВТ. Поднимаем тело и, повесив на него ведро, тащим его, жуя мягкую свинину вприкуску с шоколадом, извлеченным из карманов убитого. Вот и взвод. К нам подбегает обеспокоенный нашим отсутствием лейтенант К. и, удивленный, останавливается. «Мертвый», - недовольство сменило его сначала заулыбавшееся лицо. Но подошедший санитар, пощупав пульс, убедил его, что он только «помятый».

Возвращаемся домой усталые, но довольные результатами своего первого поиска. На губах хрустит трофейная свинина. У ручья остановились, Надо перетаскивать фрица, а это нелегко. Тру ему уши и потихоньку покалываю финкой. Боль привела его в сознание. Он вскочил, но, увидев у носа нож, успокоился.

Перешли ручей. Вот мы и в «свинарнике» - нашем КП. Доложили комбату и повели фрица в штаб полка. Он успокоился, и только изредка осматривался по сторонам, но увидев на поясе финку, сразу опускал глаза... Шел дождь.

Пленный рассказал, что они, солдаты Нстрелковой дивизии только что приехали с М-Ярославца и расположились в Чичково. Их отделение послали в полевой караул. Они были вдвоем: часовой с подчасовым. Остальные лежали в соломе возле сарая. После утомительного марша они уснули и поэтому попали в наши руки...

По разрешению полковника, с благодарностью пожавшего нам руки, мы расположились в крайнем доме села. Нас приветливо встретила хозяйка дом – старушка лет 50. С интересом слушала она наши воспоминания и только черная кровь фрица на моем локте убедила ее. И вот мы уже на горячей печи, сытые после хорошего ужина с молоком.

Утром одели все выстиранное, выглаженное и сухое белье. Как благодарны мы этой старушке, которую мы после все называли «мамашей».

7 ноября. Получил благодарность от командира дивизии в приказе. Командир полка тоже объявил нам с Кушевым благодарность и преподнес подарок – 3 бутылки коньяку, сливочного масла, планшет и пр.

После праздника снова потянулись однообразные дни обороны. Ходил несколько ночей на Волковы дачи в разведку. Сплю днем. Живу у мамыши. Перебрались со своим КП в этот дом, т.к. 8 ноября немцы снарядами и минами разбили наш «свинарник». Видимо крепко мы им насолили.

За окном завывает вьюга. Хорошо на теплой печи. Сегодня ночь моя. Можно и помечтать о чем-нибудь хорошем. Но в глазах стоит хмурый октябрь. Грязь, смешанная со снегом, достигающая колена. А мы идем, идем, чтоб встретить врага в кровавой схватке.

С марша вступаем в бой с автоматчиками. Сбиваем боевые охранения в с. Шилово, наступаем на с. Иклинское. Лощина. Рубеж атаки. Пули звенят над головой, разрывы мин не дают поднять головы. Атаковать неподдавленные точки, извергающие смертоносный свинец, невозможно без потерь. И мы идем. Падаем. Но идем. Редют ряды. Бьют вражеские пулеметы, но не сломить волю русских к победе. И мы побеждали...

Сколько раз ты, Славка, был на волосок от смерти. Но чья-то бережная рука словно отводит от тебя занесенный нож, визжащий над головой осколок. В нескольких местах пробита шинель, прострелена ложка в сапоге, еще болит нога от прямого попадания мины...

Вчера ходил в разведку на Волковы дачи. Там по-прежнему нет никого. На обратном пути захватил заблудившего поваренка – фрица из Слизненского гарнизона.

В ночь иду в Чичково разведать мост через Нару. Его охрану и оборону. Около 3 часов пролежал в снегу. Лишь часовой один уныло бродил, да изредка проходили патрули, весело пересвистываясь между собой. Не успел вернуться. Как посыльный с донесением моим прибежал, запыхавшись, ко мне. Меня вызывает нач.штаба полка. Получаю задачу: уничтожить мост, пока фрицы его не укрепили. Уже светало, но идти надо. На мои возражения и предложения нач. штаба угрюмо твердил, что риск – благородное дело.

Пью как сапожник. С запасом гранат и зажигательных бутылок идем к мосту, но здесь наткнулись на 4 фрицев с ручным пулеметом. Они только что пришли, и свежевырытая земля около них говорила о том, что они будут здесь окапываться.

Хмель вылетел из головы. Круто поворачиваем назад - нас трое. Пробраться к мосту без потерь невозможно. Пока не замечены – молча идем назад. Но лишь повернули к своим окопам, в спину нам ударила пулеметная очередь, вторая. Но мы уже дома...

Вечеров подал нач.штаба разработанный план ночного налета на мост. План утвержден.

Ударная группа – 5 храбрецов в масхалатах бесшумно двинулись по берегу Нары к мосту. Я с пятью бойцами в группе прикрытия ползу к окопам фрицев. Уже слышно их бормотание, беспечный храп. Вот один из них ворчит что-то во сне. Приготовлена «фенька». Автомат на боевом взводе. Тишина. Сердце готово выскочить из груди. Коченеют ноги. Душит кашель. Пытаюсь согреть ноги, но стук ног об землю могут услышать, и тогда пропал весь наш план. Томительно медленно тянется время.

Но вот слышен взрыв. Звон бутылок. Словно молния прорезала тьму ночи. Вспышка следует за вспышкой. То наши отважные «ястребки» бомбардируют мост

зажигательными бутылками. Мост горит. Прижимаемся плотнее к земле. Вот уже обеспокоенные фрицы открыли бешеный огонь по реке. В ответ им застучали справа наши ручные пулеметы Новожилова из группы обеспечения. Мимо нас промелькнула одна белая фигура, вторая. Все пять. Огонь обрушился на нашу сторону. Приподнявшись, швыряю гранату в ближайший окоп. Страшный взрыв. Дикие визги раненых смешались со свистом осколков. Трещит мой автомат. Мои товарищи бьют в упор по окопам. Но вот заел мой автомат – задержка. Быстро выбрасываю смятую гильзу и вновь веду огонь.

Все кончено. Мы – дома.

Наступили горячие денечки. Противник зашевелился. Он поспешно укрепляет правый берег Нары и село Чичково. В этом я убедился вчера, когда напоролся на систему дзотов и траншей у того самого сарая, где недели две назад приколол фрица.

Сегодня предстоит разведка боем переднего края обороны. Увешанные гранатами и бутылками с «КС», вооруженные до зубов - в ночь идем. Дорога знакома. Не прошло и часа, как вдали показался знакомый сарай, а левее чернеющие купола «дзотов». Решение приходит быстро. И вот уже запылал сарай от наших бутылок. Оборона как на ладони.

Дружно ударил залп. Ошеломленные немцы беспорядочно кинулись к реке, но всюду настигали их наши пули. Наше дружное «Ура!» придало им скорость. Но у одного дзота уже подготовили гам отпор. И зазвенели над головами пули. Сосредоточили огонь по этому дзоту. Откуда-то из рощицы рывкнул миномет. И вот мины уже роют около нас землю, своим страшным визгом и криканьем заглушая все.

Впереди меня, в нескольких шагах, раздался страшный крик. Бросаюсь на помощь. Перед глазами открылась интересная картина: на боку лежит боец со

страшно искаженным лицом – мина рикошетом ударила ему в лоб, отпечатав огромный синяк с кровоподтеком. Вот и она лежит, маленькая, красная. Тщетно пытается отползти от ее боец, ему еще не верится, что она не взорвется, и он, издавая какое-то странное сопение, кряхтение, пытается отползти, но ноги и руки его парализовал испуг. Как гипнозом притянула его мина. Впоследствии мы долго со смехом вспоминали эту картину. И он, смущенно улыбаясь, рассказывал: «И хочу ползти, но ноги... ни туда, ни сюда, не слушаются».

Отходим без потерь. Мы снова дома. Пишу заявление о приеме в кандидаты партии. Ведь завтра бой. Получили приказ очистить правый берег Нары и укрепить его. Что-то ждет меня завтра.

Звучат последние приказания. Все приготовления окончены. В кармане у меня два письма – домой и Ларисе в далекий Саратов. В них вся душа моя. Если убьют – пусть знают родители, пусть знает любимая девушка, как шел в бой их сын и друг.

Заскрипел снег. Морозный воздух спёр дыхание. Мороз пробирается и под шинель, холодит спину. Щеки горят. Все поле почернело от перебегающих цепей. Дробно стучит вражеский пулемет. Огненные трассы пуль сверлят небо. Вот пули подняли снежную пыль недалеко от нас. Ложимся и снова бросок вперед. Командир роты Петухов где-то справа кричит, подгоняя отстающих. Недалеко от меня политрук Питомин машет винтовкой, поднимая бойцов, залегших в глубоком снегу.

Необстрелянные еще бойцы идут медленно. Их пугает всякий свист пули. Ведь то же самое испытывал и я в первом бою. А теперь я уже привык различать по слуху, где падают пули, где разорвется мина.

Подхожу к бойцу, в страхе припавшему к снегу. «Ну, что же лежим, идти надо! - стараясь говорить как можно спокойнее, - Ведь я-то стою и не помираю. Пули свистят

далеко. Пойдем вместе», - предлагаю ему. И вот мы идем, поминутно спотыкаясь в глубоком рыхлом снегу. «Ложись!», - командую я, слыша, как невдалеке защелкали пули, - Вперед!».

Вот и лес. По полю бегают связные с приказаниями. Надо скрытно пробраться через лес и ударить во фланг обороны немцев, помочь соседним ротам, залегшим под ураганным огнем противника. Вошли в лес. Рота уходит вправо в глубокий обход. Сзади движется 3-й взвод, второй эшелон роты. Не любили мы эшелонировать роту, да приходится: в третий взвод мы сколотили бойцов, только что пришедших к нам прошлой ночью. Они не имеют оружия. Только по паре гранат лежат у них в карманах. И те они еще не в совершенстве изучили. Вчера днем мы наспех ознакомили их с устройством и правилами заряжения. Но практически бросить не могли – гранаты на вес золота. И теперь у них в руках саперные лопаты и кирки. После боя они должны строить оборону, рыть окопы, щели.

Иду с ними. Веселый сержант Сазонов знакомит бойцов с историей части, рассказывает бойцам о своих первых впечатлениях.

Наталкиваюсь на связного от комбата. Он приказывает немедленно атаковать оборону немцев. Бросаюсь искать Петухова. На пути встречаю связного Деревянко, он тоже разыскивает ком.роты. Более часа тщетно ищем. В лесу – ни звука. А вот уже и оборона, вот развалины сарая, а за ними мрачные купола дзотов, извергающие ливень смертоносного свинца по наступающим цепям. Вот и «самовары» (минометы) немцев. Нас они заметить не могут, нас скрывает густая чаща леса. Какой удобный момент для атаки! Но нет роты. Бросаемся назад и вновь натываемся на 3 взвод. Мигом решаем с Сазоновым обстановку – медлить нельзя.

Но нас – только взвод, причем почти безоружный, люди не были в бою. Собираем взвод. Стараясь скрасить обстановку, отдаю приказ на атаку. Молчание в рядах. Люди осознали опасность. Но приказ комбата...

«Вперед! Не скупиваться! В цепь!», - не своим голосом закричал я, - Вперед! Смелые не умирают!» «Ура!» - пронеслось, словно раскат грома, по обороне ничего не подозревающих немцев.

Как вихрь налетели мы на первый дзот. Очередью автомата срезаю выскочившего «дядю». Летит граната в дверь. Вслед за разрывом в дзот врываются Деревянко с группой бойцов. Медлить с этим дзотом нельзя. Также всем взводом обрушиваемся на следующий дзот и, вытащив оттуда 3 обалдевших фрицев, бросаемся дальше. Как молнии сверкают при свете луны лезвия новеньких лопат над головами наступающих. Лихо рубят они головы немцев.

На бегу отдаю приказ Сазонову с группой атаковать правые дзоты, а Деревянко – минометную батарею. Но минометчики уже разбежались. Лишь немногие из них пытаются еще отстреливаться. Но и они умолкли, засыпанные сколками гранат. Правый фланг открыл стрельбу из вытасченного из дзота пулемета, но вскоре умолк. Дело в том, что все дзоты немцев располагаются на одной линии (а не шахматном, как наша оборона). И немцы, выбегающие из ближайших от нас окопов и пятившиеся к реке, попали под свой же огонь. Темнота помогает нам. Немцы бьют по своим же, в панике разбегающимся «арийцам». Вот у одного дзота группа солдат пытаются прикрыть отход наспех организованным огнем и пятятся к реке. Но с реки уже доносится «Ура». Это Сазонов поднял бойцов в атаку. Бросая оружие, с дикими криками бросаются немцы от реки в сторону наших цепей, залегших на поле. Там завязалась перестрелка.

Спотыкаюсь о миномет, брошенный немцами. Тащу к ближайшему дзоту. Сюда же приказал собрать все подобранное оружие. Собираю бойцов и располагаю на линии дзотов в оборону. Только теперь я почувствовал, как невыносимо болит голова, ноют ноги.

Вваливаюсь в дзот. Печь еще горит. Подбрасываю дров, и при свете печи осматриваю помещение. Кругом валяются брошенные ранцы. Стол облит молоком. На столе стоят пять банок с медом, маслом, буханка белого хлеба, предметы туалета. Стены увешаны ранцами, причем все стены обиты одеялами, на полу тоже одеяло, а в углу нары, застеленные пуховыми перинами. Все это они награбили у крестьян Чичково. В углу заметил бинокль, фонарик. Из другого угла боец подал мне «парабеллум» и планшет с какими-то бумагами.

Привели трех пленных, они не смогли даже одеться, так в одних рубашках их и захватили бойцы в одном из дзотов. Обращаюсь к одному из них и знаками спрашиваю, что за отверстия над дверями в каждом дзоте? Неужели форточка? Путая русские слова с немецкими и заикаясь, тот рассказал, что в это отверстие дремлющий дневальный изредка выпускает очередь с автомата, пускает ракету и, успокоившись, снова дремлет у двери. Вот черти. Даже выйти не желают. Так вот откуда этот «страховой» огонь, всю ночь раздающийся из немецкой обороны - «Не сплю, мол!»- стараются убеждать они нас.

Рассказал он нам о том, что немецкий фельдфебель, ставя на пост часового, дает ему около 300 патронов и приказывает, чтоб за смену от них остались лишь гильзы. Застучал откуда-то миномет. Это разбежавшиеся немцы обрушили на нас со злобы все свои огневые средства. Но перекрытия дзотов крепки – для себя же они строили.

Изучаю немецкий миномет. Вытащил на воздух. Бросаю мину. Выстрела нет. Освещаю фонариком, извлекаю мину. Нажимаю на какую-то рукоятку.

Вновь заряжаю и нажимаю. Выстрел. Подталкиваю мины и обрушиваю на деревянную мину за миной.

Сазонов уже бьет из немецкого пулемета. Да и многие бойцы уже овладели трофейным оружием. Немецкие же пули бьют по фрицам, пытающимся перейти в контратаку.

Деревянко наткнулся на ящики с яйцевидными гранатами и ковыряется над ними. Вот уже засияло его лицо. Гранаты заряжаются и летят на головы фрицев.

Наблюдатель доложил о приближении группы из леса. Останавливаем их. Чуть не завязалась перестрелка. Выяснилось, что это бойцы из нашей роты, за ними идет вся рота. Радости встречи не описать. Вот уже 5 рота врывается в траншею. Радостные лица. Петухов тискает меня в своих медвежьих объятиях.

Иду к телефону на соседнюю почту. Звоню «бате» (полковнику), докладываю обстановку. Прошу подбросить «Максимки». В трубке слышен удивленный голос Васенина. Он не верит. Иду к нему на КП, где убеждаю его. Оказывается, 7 и 8 роты нашего батальона отошли и неверно осветили полковнику обстановку.

Всю ночь рою окопы. Наутро пришел приказ о назначении меня командиром взвода. Принимаю взвод. Утром ведем пленных в штаб полка. В маленькой комнатке душно. Здесь и полковник, и комиссар с командирами и комиссарами батальонов обсуждают операцию.

«А вот и Еськин!», - обращается комиссар к полковнику. Видимо разговор шел обо мне. Я доложил. Пока полковник занялся пленными, ко мне подсел комиссар полк, комиссар батальона и отсекр. партбюро. «Рассказывай биографию, - вдруг перебил комиссара отсекр., - Ведь ты подавал заявление. Вот и бюро в сборе».

Не успел закончить я биографию, как перебил комиссар: «Достаточно, его биография ясна, боевые дела подтверждают вот эти.., - он ткнул на фрицев, - Мое предложение: принять!»

Принят! Еще не веря услышанному, я почувствовал, как три крепкие руки поздравляют меня – коммуниста.

Ю.З. фронт. 15 ноября 1941 г. с. Каменское

Автоматчики

Прошло несколько дней. Забываются уже горячие эпизоды боя 13 ноября. Лишь трофейный миномет, высунувший свою самоварную морду из землянки, еще освежает в памяти эту дикую атаку. К правительственной награде представлен я, Сазонов, Деревянко и несколько бойцов.

Вечером получил приказание собрать автоматы со всего полка и сколотить взвод автоматчиков. Всю ночь при свете коптилки обучаю бойцов приемам заряжения магазина и производства выстрела. Проверяю в темноте – если в темноте способен автоматчик зарядить магазин – отлично. «Посредственников» не оказалось. 30 автоматчиков готовы к бою. Прошел день. Производили практическую стрельбу из ППШ и ППД по немецким окопам по ту сторону реки. Вечером в штабе получаю приказ со взводом идти в глубокую разведку за «языком». Без «языка» не возвращаться. Получили продукты на 3 дня.

В темноте перешли реку и обходим Чичково с запада. Наткнулись на патрулей. Замечены. Ушли в лес. Ранен 1 боец. Напрасно дозорные щупают окраины деревни – ни одной, хотя бы малой лазейки. В безрезультатных поисках прошла ночь. День сидим в лесу.

Попытался пробраться ближе к деревне с Ярцевым. Подошли к деревне с южной стороны. Цепь окопов опоясала и эту окраину. Часовые не удаляются от деревни, а подобраться к деревне незамеченными нельзя – у нас только 6 халатов. Еще ночь прошла в поисках.

Чувствую, что обморозил ноги. Сапоги мне были малы, причем не мои, а ком.батальона. Свои совсем разбились.

Наутро подкараулили автомашину. Гранатой разбили радиатор. Шофер убит наповал. Ефрейтор, сидящий в кабине, попытался отстреливаться и, получив в грудь заряд синца одного из разведчиков, свалился. Напрасно щупали мы его пульс. Убит. Опять неудача. Попали под минометный огонь. Уходим.

Боль в ногах мешает идти. Кровоточит губа, прикушенная зубами. Темнеет. Решено в ночь сделать налет на оборону. Иного выхода нет. С нетерпением ждем темноты. Счастье наконец улыбнулось нам. Луны нет. Темь – в двух шагах не видно друг друга. Поднялась метель. Ползем к окопам. Ярцева, Кушева и с ними 4 бойцов посылаю к большой постройке – пускать «фейерверк» после налета и обеспечить нападение. Сколачиваю ударную группу 10 человек во главе с Сазоновым. Залегает в 50 метрах от окопов. Автоматы наготове. Бесшумный бросок. Мы уже в траншеях. Граната рвет дверь блиндажа. Бойцы врываются внутрь. И вот уже волокут оттуда двух тепленьких сонных «языков». На бруствере появляется громадная фигура фрица. Зажмурясь, нажимаю на спуск. Как сквозь сон слышу тяжелое падение тела.

И началась трескотня. Отходим. Сдираю с руки перчатку и, заложив пальцы в рот, издаю переливистый свист. В ответ раздался звон бутылок, взрывы гранат – «фейерверк» начался. Как на стрельбище били мы по мечущимся по деревне сонным «германам». Зарево

пожара освещает всю деревню. Но вот уже застучали пулеметы немцев, послышался свист мин.

Стреляя на ходу, по одному уходим в темноту. Силюсь подняться. Ноги сковало, как цепями. Гушин окриком останавливает бойцов: «Командира надо нести!». Я еще пытаюсь подняться, но падаю на руки бойцов. Под грохоты разрывов возвращаемся мы к себе. Горит Чичково...

В санбате. Меня поместили к моей «мамаше» - бабушке Арине. Поморожены обе ноги. Хожу лишь на костылях.

Получил валенки огромного размера, куда свободно помещаю ногу, забинтованную и завернутую в три суконных портянки.

Получил зимнее обмундирование: шапку, свитер, суконную гимнастерку и брюки, меховой жилет. Теперь зима не страшна. Бойцы принесли подарок от уральских рабочих: открытки, меховые рукавицы, флакон спирта, носовые платки и шелковый кисет, расписанный неизвестной девушкой, с надписью: «После боя закури». Закурил.

Томительно тянутся дни. Скука. Не веселит балалайка. Баян редко посещает меня – снова на передовой горячка.

...Морозный воздух рванулся в открытую дверь. Вошел полковник и с ним неизвестный высокий седой политрук. Справившись о здоровье, полковник познакомил: «Комиссар роты автоматчиков политрук Ноздрачев, - и, повернувшись к нему, произнес с улыбкой, - Командир роты автоматчиков замполит Еськин. Вот и командование, а рота скоро будет...»

Прошла неделя. И вот уже у меня сотня отчаянных голов – автоматчиков. Получили оружие – новенькие автоматы ППШ.

В роте у меня Сазонов, Гущин, Ярцев и многие мои боевые товарищи из 5 роты. Петухов обещает мне при встрече намять бока за этих бойцов. Ничего. Сдружимся.

Вновь начались горячие денечки, азартные разведки.

...Вызвали в штаб. На стыке со 112 дивизией просочились автоматчики противника. Приказано прочесать лес.

Бросок в 5 км. Прочесал лес, спугнул одного автоматчика. Наткнулся на следы, ведущие через реку в Чичково. Ушли. У попавшего на пути м. л-та Н. узнаю подробности: группа автоматчиков ночью подобралась к нашим окопам, установила пулемет вдоль траншей и готовилась уже к броску. Лишь только они поднялись, как задремавший часовой с диким криком испуга бросился в окопы. Посыпались в траншею гранаты. Выскочивший ком. взвода мл. л-т Н. получил удар гранатой в глаз. Едва лег, как взрыв гранаты отбросил его в сторону. Ранило второй глаз. Выскочившие бойцы открыли огонь, и автоматчики скрылись в лесу.

На обратном пути зашел к Петухову. За бутылкой водки вновь подружились. Вспомнили старые походы. Взгрустнулось...

Снова ночной поиск. Взвод автоматчиков в темноте миновал плотину и скрылся в лесу. Я в головном дозоре, Ноздрачев ведет ядро. Тишина. Лишь изредка раздается приглушенный кашель сквозь перчатку, да однообразный скрип снега напоминает о том, что ты в разведке.

«Стой!», - окрик заставил лечь на землю, - стой!». Щелкнул затвор. Русский голос. Ничего не понимаю. Сержант приподнялся. Очередь автомата разрежала тишину. Как сноп повалился сержант. Ноздрачев уже обходит справа. Мы ползем. Впереди снежный бугор. Дзот. Швыряю гранату – сигнал к атаке. Бесшумный бросок. Дверь разлетается от взрыва гранаты.

В трубу летит граната, но там сетка. Граната рвется и сносит верх трубы. Ноздрачев уже тащит за волосы дико вытаращившего глаза «языка».

«Фриц?»

«Нет, хфин», - гнусавит тот.

«А, рыжий?!» - раздаются смешки.

Обыскав двух убитых, трогаемся обратно. Но уже засвистали, защелками по деревьям пули. Залегли, прикрываем отход конвоиров. Пули звякают вокруг. Вот застонал один, вот вскочил второй, с криком схватившись за грудь. Это – Гущин. «Гущин – друг мой!» - бросаюсь я к нему. Свистит пуля. Падаю. Разбило приклад автомата, пробита рукавица. Поднимаю на руки друга. Он еще дышит. Слезы подкатываются к горлу. Тяжело дышать. Передаю Гущина подбежавшим бойцам и медленно иду к реке. Бессознательно вынимаю пистолет и пулю за пулей посылаю в тьму, туда, где сидит враг, вырвавший из наших рядов этого веселого Гущина, моего боевого друга, прошедшего со мной плечом к плечу всю подмосковную дорогу; друга, не раз заслонявшего меня грудью в бою.

К вечеру он умер. Пью, но не в состоянии водка поднять мое настроение или убить горе. Друга нет. Ищу смерти. Тщетно.

Перебрался жить в школу. Здесь же живут бойцы. Устроил кухню. В зале рояль. Где-то разыскали бойцы патефон. В кабинете заведующего, где я сплю, оказалось много пластинок. Вечера проводим весело. Неразлучный со своим другом баяном веселый Рыжик дает нам каждый вечер «гастроли».

Ночью работаем. Днем отдыхаем, веселимся. В ночь снова идем. Противник сидит в обороне. Мы тоже. Но наша задача – не давать ему покоя ни днем, ни ночью. На то мы и автоматчики. Недаром пленные рассказывают, что наши головы ценятся железными крестами. Ну, ничего. Мы угощаем фрицев деревянными. Каждую ночь,

да часто и днями, уходят мои автоматчики на угрюмую высотку «Север», откуда как на ладони видна деревня Чичково. Не одного фрица подкараулили они. И прибавляются кресты с касками на главной улице деревни.

...Завтра предстоит грандиозная драчка. Недаром в штабе со вчерашнего дня сидят взаперти командир дивизии и полковник Васенин с начальником штаба. Шьем из нижнего белья масхалаты. Чистим оружие. Вчера приехала батарея 122 м. гаубиц.

...Иду в штаб. Получаю задачу – с приданной ротой стрелков ночным налетом ворваться в оборону немцев на высотке Н, занять ее и удерживать до рассвета до прихода смены. Под покровом ночи занимаем исходное положение. Фигуры автоматчиков в масхалатах слились со снегом. Ждем арт.огня. выстрел, другой,...десятый. Одиннадцатый снаряд летит в глубь обороны. «Вперед!» Поползли.

Бесшумно режут саперы проволоку. Вот мигнул свет электрического фонарика. Проход сделан. Минуем проволоку. Выстрел. Другой – заметили. Летят гранаты. Взрыв следует за взрывом. Застучали немецкие пулеметы. Им в ответ откликнулся важный «Максим». Справа у березы еще неистово стучат пулеметы, разрезая тьму лентами трассирующих пуль. Вот наш пулеметчик охнул и как-то нечаянно упал на бок. Сазонов бросился к нему, оторвал застывшую руку от рукоятки и вот уже вновь мерно застрочил пулемет. Но и Сазонов вскрикнул и откатился от пулемета. Разрывная пуля раздробила кисть. Нажимаю на рукоятку, бью от бедра, потом правее, еще вправо... и замолчал. Но снова блеснуло перед глазами, осколок ударил в руку, корпус часов разлетелся вдребезги. Это бьет снайпер. Надо менять позицию. Отдаю пулемет подоспевшему сержанту, и тот покати́л его вправо.

Бросаюсь в окопы. Здесь уже почти все кончено. Лишь у одного блиндажа еще сопротивляются. Гранатой снесло козырек у двери, но оттуда, изнутри, еще раздаются выстрелы. Пулеметчик прицелился, и огненная струя летит в отверстие. Вторая вспышка. И все кончено. Смолкает перестрелка. При свете коптилки собираем трофеи: пять пулеметов, около дюжины винтовок, гранаты, противотанковое ружье и телефонный аппарат, который вытащил за провод из блиндажа старшина Одинцов.

Под утро пришла смена. Снова дома. Пишу письмо домой. И вот уже из под пера, на чистом листе бумаги, встает образ старенькой матери, отца, сестры Нины, только что эвакуировавшейся из Белостока и чудом избежавшей от немецкой оккупации. Вижу и племянников своих – Толика и Тamarочку. Толик уже вероятно катается на моих лыжах. Тамара еще маленькая, наверное, лежит на руках у матери. Мать сейчас, наверное, что-нибудь шьет и тихо напевает... Отец работает в саду...

Закуриваю папиросу. Скомкал пустую пачку, и между разломанных стенок красивой коробки извлекаю портрет. На меня уставились стеклянные глаза чудовища: чуб, угрюмо нависший на лоб и маленькие, как у Чарли Чаплина дерзкие усики. Захрустела под ногами пачка. С какой ненавистью смотрю на портрет «завоевателя большого германского государства», валяющегося под ногами. Позже я встречал эти портреты в каждой пачке трофейных сигарет – подарки фрицам с родины.

Вернулся с разведки из Чичково. Немец подтягивает артиллерию, танки. Вероятно, вновь готовится к генеральному наступлению на Москву.

...Утро 1 декабря встретило нас сильным морозом. Метель замела все тропинки. Ни зги - в нескольких шагах не видно товарища.

Грохочут артиллерийские залпы – то немец готовит наступление. Тревога. Строю роту и согласно приказу веду на берег беки на усиление 1 батальона. Молча минуем пустую безлюдную улицу деревни. Она пуста – вчера эвакуировали все население. Тяжело было расставаться с любимой бабушкой Ориной, да и она не хотела нас покидать. В деревне остался лишь один глухой дед, на все уговоры и приказания наши отвечавший: «Ну и пущай «бобнит», мне уже помирать и так скоро».

Залегли в цепи. Уже начался бой. С противоположного берега цепь за цепью спускаются пьяные немцы с выпученными глазами. Они идут как на параде, уставив в живот короткие автоматы. Вот они уже опустились на лед. Раздаются первые выстрелы наступающих. Мы молчим. Но вот резко звучит команда: «По пьяным гадам – огонь!». И затрещал воздух от дружных залпов бойцов.

Застучали, залаяли «Максимы» и «Браунинги», мелкой дрожью затрещали «маленькие коробочки» - автоматы. Но что это такое? Со стороны немцев ни одного убитого, ни одного раненого. Нервная дрожь пробежала по телу. С недоверием глядишь на свой ППШ..., но, оглянувшись, вижу, что не одного у меня это чувство. Вот пулеметчик тоже нервно рвет руками прицел. Нет, дело оказывается не в этом. Точно бьет советское оружие, с большой любовью сделанное руками наших любящих отцов, сестер и братьев. Все это объясняется техникой немецкой «психической» атаки. Место убитых быстро заполняется из идущей сзади цепи. Отсюда и такое впечатление.

Но выдохлась скоро немецкая цепь. Вот уже передние пятятся назад, но сзади метется снег, поднятый пулями наших «Максимок». Сплошной ливень свинца обрушился на цепь наступающих.

И вот они уже не наступающие, они с дикими криками мечутся по льду, падают, скошенные меткими пулями сталинских стрелков. Свист пуль сливается в унисон со свистом метели. Бой кончился, только на льду валяются штабеля, щедро намешанные нашим огнем. Метель с ревом торопится замести эти кровавые следы побоища. С нашей стороны единицы раненых и двое убитых.

Связной полка принес пакет: приказано роту перебросить для обороны командного пункта полка в лощину в 2 километрах от деревни.

Скрытно отползаем за укрытие. Вскоре мы уже подошли к КП. Лишь немногие следы, да небольшие шапки блиндажей говорили о том, что здесь КП - сердце полка. Полковник Васенин приказал мне расположить роту в оборону подступов к лощине. Сазонова послал в разведку к лесу в направлении Слизнева. Рука у него еще болела, но как ни приказывал я ему идти в госпиталь, он не покидал роту. Я подал аттестацию на присвоение ему звания «младший лейтенант». Меня аттестовали на «лейтенанта». Уже 2 дня как два кубика сидят на моих защитных полевых петлицах.

Морозно. Метель свирепствует. Поземка крутит снег, запорошила глаза. Но зоркие глаза наблюдателя сквозь пелену снега уже различили силуэты приближающихся огромных танков. Вот уже слышен и шум моторов, лязг гусениц. Вот уже простым глазом видны фигуры автоматчиков, увязающих в глубоком снегу, бегущих за танками. Они в белых халатах, в валенках, вероятно, содранных с убитых бойцов. Каски их вымазаны мелом. Вот и лыжники. Согнувшись в дугу от напора ветра, они с силой выбрасывают вперед палки. Танки повернули с хода в нашу сторону. Разворачиваются. Видно как медленно поворачиваются в нашу сторону купола их башен. Значит, мы замечены или проданы кем-то. Как они прорвались сюда, выяснить до сих пор не удастся,

напрасно телефонист около двух часов кричит «Волгу», «Север» и т.д. Связь с батальонами порвана. Горит уже деревня, через которую час назад шли мы. Что с нашими подразделениями?

Мрачные предчувствия наполняют грудь. Но из этого оцепенения выводит меня страшный взрыв снаряда. То танки бьют по ложине. Мы не отвечаем. И только, когда автоматчики приблизились к нашим укрытиям до 50 м., затрещали тонкой дробью, словно захлебнувшись, наши советские автоматчики. Дуэль началась. Смертельная дуэль 30 танков с ротой автоматчиков, не имеющих ни одного орудия, ни ПТР, ни одной гранаты ПТГ. В нашем арсенале осталась только пара бутылок с КС, да осколочные «феньки». Но и бутылками ничего не сделаешь. Танки не идут, они стоят на бугре, точно надсмехаясь над нашим бессилием. Младший политрук Г. бросается с бутылкой наперерез одному из них. Вот уже он близко..., но заскрипели гусеницы и танк, точно смеясь или играя в прятки, медленно пополз назад. И вдруг, словно натешившись, все танки обрушили на смельчака дождь пуль, и тот вдруг дернулся и замер. Прощай, товарищ! Никогда не забудут тебя очевидцы твоего героизма. Не забудут и не простят...

Атаку за атакой отбиваем мы. Немецкие автоматчики, наткнувшись на огневой вал сотни храбрецов – автоматчиков, откатываются. Не помогают им и их танки. Наши бойцы в ложине, как в эскарпе, танки ничего сделать не могут. Если только справа. Но справа мешает полсотни маленьких коробочек, туда же залегли подошедшие недавно разведчики и связисты. Там же лежит единственный истребитель с оставшейся бутылкой.

Отошли за бугор танки. Затишье.

Вернулся Сазонов с неприятной новостью. Деревня Клово сзади нас занята немцами. Впереди, где 2-й батальон, видны ракеты наступающих немцев.

По ложине справа движутся танки. Их больше сорока... Над селом Каменское, что справа от нас, уже давно бушует пламя. Вот откуда только что прибежал ком. взвода связи мл. л-т П. и начальник разведки дивизии ст. лейтенант К. Они с волнением передают полковнику о трагедии, разыгравшейся в деревне. На немногочисленную группу охраны деревни вихрем налетели танки с наклепленными на них автоматчиками. И началась расправа. Около получаса свирепствовали там немцы, всех, кто не сдавался без сопротивления, они бросали в горящие дома и злобно смеялись над их муками. Все это видели они, спрятавшись в развалинах сарая.

Хмуро лицо полковника. Мы окружены со всех сторон. Не в наших силах удержать стальную лавину сотен танков. Но приказ - назад ни шагу! Он не говорит нам ничего, но по его судорожно закушенным губам мы видим, о чем он думает: как бы подольше продержаться до прихода подкрепления, за которым ушел его ординарец.

Колька. Пробился ли он? Или уже убит, этот маленький, всеми любимый веселый подросток? А если не пробился, то как бы подороже продать свою жизнь... Ведь тогда все равно смерть.

Атака. Теперь уже с трех сторон сжимают нас железные клещи. Сплошной гул моторов, рвущихся снарядов, мин, пулеметов стоит в ушах, давит сознание. Страшное «ля-ля» раздается вокруг. Горят документы. Все, что может достаться немцам, уничтожается.

Загорелся один танк. Весело лижут языки пламени наш первый подарок Родине. Но этот подарок в наше время и последний. Вот уже меньше и меньше выстрелов раздается со стороны, где обороняется Сазонов с разведчиками.

И вскоре оттуда уже вихрем несутся танки, на гусеницах которых висят обрывки человеческого мяса, то единственное, что осталось от наших славных героев. Все они погибли под гусеницами врага...

Уже раздаются снова торжествующие крики фрицев: «Рус, сдавайся, капут!». Но в ответ им отвечают лишь наши автоматы. Мы молчим. Смерть стоит перед глазами. Ужасная смерть. Но смерть не страшна. Родина узнает о нас. Кто-нибудь да помянет добрым словом... Мать, отец, сестра, милая любимая Люся. Неужели думаете вы сейчас о том, что переживает Славка, как он в глубоких подмосковных снегах нажимает окоченевшими руками холодный спуск автомата, посылая последние пули в назойливо рвущегося к столице противника. Смерть вокруг. Вот уже ранен полковник. Вот очередь пулемета скосила моего соседа. Пробита и у меня пола шинели, пропитанная кровью, обильно хлюпающая под ногами. Запах свежей крови дурманит голову. Подтаскиваю к себе убитого и укрываю свое тело этой необычной баррикадой. В двух шагах от меня сухо трещит выстрел – то начальник разведки приложил к виску пистолет... Нет, это не выход из положения...

Триумфальным маршем идут танки по нашим телам. «Победители» прошли через наши танки в деревню. Все кончено. Поднимаю голову и вытаскиваю тело из-под трупов, которыми был я завален. Кругом все мертвы. Лишь изредка вскрикнет кто-нибудь от боли, да у блиндажа протяжно стонет раненый лейтенант Борисов.

Вот лежит начальник штаба, как-то неестественно откинув голову, раздробленную осколком снаряда. Ведь это он шел из блиндажа рядом со мной, одним снарядом завалило меня и убило его. Вот и полковник. Его шуба вся в крови, но он еще жив, он еще дышит, он стонет и громко вскрикивает, когда я поднял его на свои ослабленные руки. Еле ступая на обмороженные ноги, которые

совершенно окоченели, несущего полковника в блиндаж. Поднялась еще одна голова, вторая. Вот лейтенант Кулаков поднимается мне на помощь. Перевязываю раненую руку полковника. У него 4 раны. Он то и дело впадает в беспамятство.

Нас уже около двадцати человек в этой маленькой землянке, раздавленной танками. Нары разрушены. Печь раздавлена. В большие щели метет снег. У двери стонет автоматчик Румянцев. У него еще сохранилось полмагазина патронов. У меня в пистолете лишь 3 патрона, да в кармане лежит «фенька», которую я берег на крайний случай.

Уже темнеет. В пробитую крышу видно небо. Ни одной звездочки. Но вот сквозь темные облака пробивается луна. В землянке посветлело. Как некстати эта луна, эта чудная полоска света, веселящая сердца влюбленных... Но нам нужна темная ночь...

Выстрел. Очередь автомата. Бросаемся к щели. Вокруг немцы. То вероятно, «коршуны» - арийцы подкрадываются к мертвым нашим телам, чтоб насладиться зрелищем смерти, а может и поживиться кое-чем, пограбить мертвецов. Залегли. Посыпалась земля – фрицы обрушили на нашу землянку бешеный шквал огня. Вот они перебегают, ползут. Скромно бьет наш единственный автомат – патроны последние. И он смолк. Значит, плен... «Рус, выходи!», - раздается над головой.

«Гранату!», - дико крикнул полковник... За стеной раздались озлобленные крики, смешавшиеся со стоном раненых.

К нам летит граната. Грохот разрыва потряс землянку. Вот в трубе скрипит вторая... «Смерть!» - мелькнуло в голове. Дрожащими руками отстегиваю планшет, запихиваю в него комсомольский билет, в последний раз глянул на милое девичье лицо и вложил карточку. Запихиваю планшет под нары и засыпаю

землей. Деньги. Часы летят на землю. Ничего не останется фрицам. Вынимаю медальон и тоже уничтожаю этот маленький клочок бумаги. Пусть не знают немцы, что здесь погиб Еськин – командир автоматчиков – «маленьких коробочек», как звал меня полковник.

Взрыв гранаты, и я погружаюсь во мрак... Боль в затылке от удара прикладом заставляет меня вскрикнуть. Медвежьи руки громадного немца подняли меня за ворот и вышвырнули на воздух... Вот и Кулаков. И Борисов присел на колене – у него перебиты обе ноги и ранена голова. Вот писарь с забинтованной головой. Нас только восемь... Где же полковник?

Сухонький офицер в белой шубе (вероятно содранной с убитого командира), на ломаном языке выкрикнул, чтоб бросили все оружие и патроны. В противном случае – расстрел. Пощупал в кармане «ТТ». «Нет, - думаю, - выкинуть-то всегда смогу, в толпе не заметят...».

Идем через горящую деревню. Несем с Кулаковым Борисова. Дорогой рассказал Кулаков мне, что полковника тоже увезли на машине в направлении деревни. В деревне к нам присоединили группу наших бойцов, захваченных в деревне. Смешались с ними. Теперь хорошо, что не выделяют нас среди бойцов, на нас ремней нет, кубиков тоже.

По дороге перегоняют нас и проносятся навстречу танки, автомашины, мотоциклеты. Идет пехота. Большая колонна танков движется в лес в направлении Волковых дач. Значит, и нас поведут туда. Здесь-то все дорожки знакомы...

Возможность побега подняла дух и прибавила сил. Конвоирам уже надоело подгонять нас ударами прикладов, и они криками остановили один танк и посадили на него лейтенанта Борисова. Прощай, дорогой друг! Больше вероятно не увидимся.

Лес. Колонна танков пересекает дорогу. Мы перебежали дорогу, а половина нашей колонны по ту сторону дороги. Подходим к кусту, замерзшими руками распахиваем полы... Затем, словно сговорившись, я и Кулаков отходим за куст. Конвоир не обращает на нас внимания. Садимся. Танки прошли. Колонна бойцов проходит мимо...

Еще не верится, что нас не заметили. Вот промелькнула вдаль спина последнего конвоира... Мы свободны!!!

И вот мы бредем по лесу. Кругом костры, а возле них фрицы уничтожают «бекасов», в достаточном количестве селившихся в их растрепанной одежде. Вот она – западная культура!!!

Болят пальцы ног. Чувствую, что запекшая кровь слепила пальцы. Шинель одеревенела от смёрзшейся крови. Усталость подкашивает ноги. Но лейтенанту Кулакову еще труднее, у него пробита нога ниже колена, ранена рука. Тащим друг друга. Еще не обменялись с ним ни одним словом, да и бесполезно: с болью сознаю, что уши мои словно заткнуты ватой – я оглох. Болит и плечо, разбитое упавшим после взрыва гранаты бревном ль крыши.

«Больше идти не могу»,- знаками показывает мне Кулаков, - задыхаюсь, нет ли закурить?!!!». «Что ты, кругом немцы!»,- удивленно стараюсь объяснить ему. Но он ничего не хочет знать, да, кроме того, ведь немцы сами не маскируются, курят открыто...

Достаю из брюк чудом уцелевший портсигар. Как хорошо, что я его не выкинул, хоть и настаивал на этом сам же Кулаков, ведь на нем портрет нашего вождя – Ленина. И ярким светом осветил нам путь этот маленький, почти стёршийся образ вождя на крышке портсигара. Еще с километр и мы будем у себя, в штабе дивизии. Что-то там? Возможно и там тоже...

Справа замелькали дома деревни. Клово? В чьих она руках? Вот висит и кабель на небольших колышках. Чей он? Хватаю за провисший провод. Окрик «Хальт!». Торопливые шаги часового! Кулаков толкает меня в бок. Бросаемся к кусту и, запорошив друг друга снегом, молча следим за фигурой. Мерзнет рука на холодном спуске пистолета. Но вот вновь послышался громкий свист и пение часового, он удаляется. Кулаков знаками поясняет мне, что надо ползти обратно и влево. И мы ползем, помогая друг другу. Кулакову мешает раненая нога, он переворачивается на другой бок, но боль в руке прижимает его к земле. Он хватается за мою ногу, и я тяну его к себе... И так вперед, вперед. Ползем уже около получаса. Поляна кончилась, луна не помогает. Куда идти? Самое страшное – боязнь заблудиться. Ведь до Плаксино, где штаб дивизии, всего 3 километра, а мы идем всю ночь и ничего впереди – лес, лес, кругом лес...

Нечем дышать. Едим снег, но он, как назло, не тает во рту. Лощина. Скатываемся вниз. Предстоит самое страшное – подъем. И царапаясь за кустики, лезем мы вверх метр за метром. Выбрались. Учащенно бьется сердце, словно хочет выпрыгнуть из груди. В ушах сильный звон, свист, шум.

«Стой, кто идет?!» - оглушительно раздалось впереди. Неужели это русский голос, неужели мы у своих. Вот и сам русский – рослый парень в белом полушубке, валенки.., подшлемник.., каска.., наша каска...и звезда. Из хриплой глотки рвется какое-то нечеловеческое шипение. Нас заметили уже. Вот уже к часовому подходит кто-то, идут к нам... Свои!!!

Весело бьется огонь в маленькой печурке. В землянке тепло. Еще теплей от выпитой водки. Словно горячая кровь полилась по телу. Хочется спать... Нас уже признали. Кулаков нашел в этой батарее, что нас

подобрала, своего друга, тоже пом. начальника штаба – хорошего товарища по училищу.

Сытые, обогретые и отдохнувшие на легковой машине едем в Плаксино к комдиву. Молча выслушал наш рассказ полковник, блеснула в его глазу непрошенная слеза...

Кулаков в госпитале... Я живу в политотделе, где встретили меня хорошие товарищи из парткомиссии. Встретил Кольку, который спустя сутки после нас выбрался сюда из занятой д. Клово, где он сидел, окруженный немцами двое суток. Пришел и замполит Б. – комсомольский «бог» нашего полка и поведал нам о трагической смерти комиссара, раненного восемь раз. Он был в одном из домов в с. Каменское. Он умирал, передал замполиту часы, бинокль и письмо – последнее письмо. Жаль, что не помню слов, но содержание его и сейчас стоит перед глазами...

Я – зам.командира роты разведки. Мы идем по моим следам снова туда, в Каменское. Вот и высотка 200, проутюженная нашими снарядами. Вот и место, где мы сбежали. И мы уже у лощины. Вот и дома... В своих халатах мы сливаемся со снегом. Ползем. Но вдруг... выстрел..., нечаянный выстрел..., и все пропало. Огненный вихрь полетел на нас. Под сильным огнем мы пытаемся пробиться к селу, но снова откатываемся назад..., отходим.

Утро. Вспоминаю подробности вчерашнего ночного боя. Этот случайный выстрел, он не был случайным. Это рука врага нажала на курок. Он уже расстрелян...

Прилетела У-2. Пакет из ставки Верховного Главнокомандования. 5 декабря. Вперед! Сыны Родины, вперед! До полного разгрома врага вперед! Приказ на наступление по всему фронту

Пришло пополнение: 3 дивизии с иголки одетых рослых бойцов. Блестит на их плечах новенькое оружие. Грохочут танки. Завтра идем в наступление.

Наступление

Последние рукопожатия... Сверяем часы. Где пригнувшись, где ползком расходятся командиры от начальника. На исходном положении замерли бойцы, готовясь к решительному броску. Минометчики нетерпеливо перешептываются на снегу. За рощей на поле застыли заряжающие у орудий.

Мороз весело пощипывает щеки. И луна сегодня какая-то веселая. Грянул мощный залп, второй... Раскаты выстрелов слились в один продолжительный гул. Как эхо доносится до нас грохот разрывов со стороны села Н.: там рвутся наши снаряды, громя огневые точки, снимая маску с вражеских дотов, дополняя работу нашей авиации.

Разведчики бесшумно двинулись к селу. Лишь слышен скрип лыж на мерзлом снегу. Ползем, таща на шнурах лыжи. Мы уже у цели. В нескольких шагах от нас саперы осторожно, но быстро режут проволоку, щупают мины, очищая путь наступающим. Скорее, скорее, сейчас перенесут огонь сюда. Стучит сердце.

Рывкнул где-то вдали залп. Как огненный смерч пронесся со свистом над головой – сплошной грохот, визг, яркие вспышки огненных осколков мелькают перед глазами – то заработала наша русская «катюша» - поет немчуре «заупокон». Вот уже различаем силуэты идущих на решительный бой сталинских гвардейцев – сибиряков. Они уже близко, они уже проходят к рощице... рванули моторы танков, и они уже несутся по полю, а за ними, спотыкаясь, бежит пехота.

Свет ярких фонариков разведчиков дает путь танкам. И танки смело летят вперед, саперы очистили им путь.

Высоко в небе вспыхнула ракета, вторая... Заговорили пулеметы, заквакали минометы, засвистели пули, снова загрохотала «катюша»... Мощное «Ура» потрясло воздух. То на штурм пошли бойцы. Все поле покрылось их цепями. Вот в ход уже пошли гранаты. «Ура» то смолкая, то вновь вспыхивая, стелется по полю... Вот оно уже в улицах села. По горящему селу мечутся очумелые фрицы, выковырянные из теплых хат, где им так тепло было воевать.

Ноги не болят..., нет. Они несут меня в цепь наступающих. Лишь изредка, споткнувшись, я невольно опираюсь на палку. Но и палка скоро вылетела из моих рук. Вот я уже в центре села. Кругом валяются трупы фрицев, брошенные пулеметы, минометы, автомашины. Вот уже из-за поворота видна группа бойцов, ведущая первых пленных. Они жалки, когда попадают в плен. Иначе они выглядели, когда триумфальным шагом шли они по нашим трупам там...

То здесь, то там вспыхивают разрывы гранат, сыпятся автоматные очереди Инициатива перешла к «карманной артиллерии». То выкуривают бойцы фрицев из теплых хат, дзотов, очищая улицу за улицей, квартал за кварталом... Село наше. Только у одного дома еще продолжается схватка, там засели автоматчики. Бросаемся туда. Из-под низкой завалинки из узкой щели кашляет, плюется горячими плевками немецкий пулемет. Уже весь дом разбит гранатами, не одна граната разорвалась у щели, но пулемет все бьет. Но справа и слева от щели уже ползут бойцы, держа наготове подушки, вытащенные из одного ближнего дома. Уже близко подполз один из них, но внезапно откуда-то сверху рванула очередь, и он повалился на бок, окрасив снег алой кровью. Все залегли. Снова ползут бойцы и вновь очередь, и второй смельчак схватился за грудь. Внезапно, всхлипнув, смолк пулемет.

Это боец окропил его жидкостью «КС». Вспыхнул дом... и, рухнув, похоронил под собой упорного фрица...

Снова застучала очередь, несколько бойцов упали на землю. «А-ааа..., - вдруг с каким-то диким возгласом бросился один из них к дому напротив, - так вот ты где?!..» И граната полетела в дом. Уже ворвались бойцы туда, а автомат все бьет и бьет. От сильного взрыва противотанковой гранаты рухнула печь. И бойцы вытащили оглушенного немецкого автоматчика. Вся одежда на нем была в саже, вероятно, немец сидел со своим автоматом в печной трубе...

Бой стихает. Небольшой отдых. А там снова вперед, на Запад. Наскоро переворачиваем немецкие окопы в сторону запада, роем ячейки. Разведка донесла о готовящейся немцами контратаке.

Светает. Вот уже зашелестели над головой снаряды немцев. Плохо бьют немецкие артиллеристы. Заревели в воздухе «Мессершмидты» и «Юнкерсы», но встреченные мощным заградительным огнем зениток, повернули назад, трусливо побросав свой страшный груз где-то в поле.

Ползут танки, а за ними рассыпались по полю немецкие автоматчики. Танков всего 6. И вот уже 2 из них вспыхнули от меткого удара противотанкового ружья, остальные прорвались уже к окопам. Но вот и третий из них загорелся, подбитый нашей стеклянной артиллерией. Остальные круто повернули назад, но уйти им не удалось. И они уткнулись в землю, подожженные меткими выстрелами бронебойщиков. Залегли на снегу вражеские цепи. Не пройти им уже вперед сплошная завеса держит их около получаса на мерзлой земле. Снова пронесся над головой огневой шквал — полетели «Катюшины» гостинцы на спину коченеющих немцев. Сейчас им жарко станет!

«Вперед! За Родину, за Сталина! Бей мерзлых фрицев!», - комиссар поднял дивизию а атаку. И

заработали штыки, захрустели немецкие кости под гусеницами наших могучих танков.

И снова мы катимся вперед. Деревня за деревней остаются позади. Со слезами радости встречают нас жители, виснут на шеях, целуют наши румяные от декабрьского мороза щеки. Не забыть, как в одной из деревень дряхлый дед в драном полушубке с болтающимся на шее немецким автоматом привел нас в сарай, где сидели спрятавшиеся фрицы. «За старуху, за внука, за всех, всех!..», - прокрикивал он, выпуская очередь за очередью по мечущимся по сараю немцам. Это была справедливая расплата...

Под деревней М... немцы снова пытались остановить наш грозный вал. Сосредоточив большую группу танков, артиллерии и несколько мотодивизий, они с пьяными криками пошли в психическую атаку. Много их полегло в десятичасовом бою. Восемь раз они бросались в атаки. Но к вечеру все же устлали все поле своими телами, разбитыми танками и брошенными машинами.

Более десяти часов на сильном морозе лежали мы в наспех вырытых в мерзлой земле окопах. И снова я обморозил свои ноги. Теперь я уже не в состоянии без посторонней помощи дойти до машины.

Со слезами простились мы со своими боевыми товарищами. Я сел в машину, которая понесла меня на восток. Прощай, фронт! Я еще вернусь, только подлечу ноги и снова вернусь в вашу дорогую семью, мои боевые друзья!

МЫ ЕЩЕ ПОВОЮЕМ, ТОВАРИЩИ!

12 декабря 1941 г. Ю.-З. Фронт

На этом записи дневника обрываются.

НКО-СССР
Фрунзенский
Городской Районный Военный
Комиссариат

25 мая 1945
№ 45
г. Саратов (Областной)

г. Белькиной Марии Григорьевны
г. Саратов ул. Коммунистическая 68

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын ком-роты в. лейтенант
Еськин Вячеслав Иванович
уроженец г. Пенза
в бою за социалистическую родину, верный
воинской присяге, проявил героизм и мужество
был погиб 29 марта 1945
похоронен на вост. окр. гр. Ксенов в
Рязани

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства
о пенсии (Приказ НКО СССР № 138 1941 г.)

Основание: Издание Команды части от 16.04.45
№ 0107

Фрунзенский Райвоенком
Капитан Адм. службы
по подполковнику
Нач. 3 части ст. лейтенант
Адм. службы Команды Корнилов

Лихачев
(Горелов)
Дмитров
(Таранов)

Зак. № 386

2005 5

Похоронка на Вячеслава Еськина

Дневник 41-го года

Страницы дневника
старшего лейтенанта **Вячеслава Еськина**

Составитель В.С. Еремеева

Ответственный за выпуск В.С. Еремеева
Редактор С.В. Голубкова
Оригинал-макет, дизайн, компьютерная верстка С.В. Голубкова

Подписано в печать 11.04.06.
Формат 60х90/16. Объем 3,2 .усл. печ. л.
Гарнитура Times, *Azbat*
Тираж 50 экз.

Отпечатано в Отделе методической работы
и библиотечных инноваций
Центральной городской библиотеки г. Пущино

142290, г. Пущино, Московской обл.,
микрорайон «АБ», д. 18 а,
Центральная городская библиотека